
Уютный детектив
Круиз, или Смерть по расписанию
Волжская жемчужина
Книжный рейс
Лекции
Встречи с авторами
Капитанский ужин
...и одно убийство?
Н-ск – Казань – Н-ск
Серия «Красный карандаш»
книга 16

Милана Панова

Круиз или Смерть по расписанию

«Автор»
2026

Панова М.

Круиз или Смерть по расписанию / М. Панова — «Автор», 2026

Нине Платоновой приходит билет на волжский теплоход и письмо, напечатанное на машинке: «На борту в течение рейса будет убит один из пассажиров. Вы его знаете». На борту идёт литературный фестиваль «Слово на воде». Там плывут знаменитый автор исторических романов, его вечно испуганная помощница, профессор с идеальными манерами, блогерша с миллионом подписчиков и самый язвительный критик страны. Критик обещает «убить литературную легенду» на закрытии. Утром следующего дня его находят мёртвым в корабельной библиотеке. До Казани почти сутки, полиция только на причале, а в закрытом круге пассажиров у каждого своя тайна. Нина, капитан Громов (в отпуске, но кто ж его слушает) и кот Эклер выясняют, кто пишет книги, кто их подписывает и кто готов убить за чужое имя. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Круиз или Смерть по расписанию

Круиз, или Смерть по расписанию
Серия «Красный карандаш», книга 16

Глава 1. Каюта номер семь

Письмо без обратного адреса пролежало у меня в сумке всю зиму и половину весны, как лежит в ящике стола неоплаченный счёт: вроде бы и не трогаешь, а знаешь, что он там.

Мы с Андреем разбирали его много раз. Бумага плотная, кремовая, с едва заметным водяным знаком в виде якоря. Текст напечатан на механической машинке, чёрной лентой, через полтора интервала. Буквы «р» и «е» слегка приподняты над строкой, а «а» чуть западает, словно у машинки болят суставы. Подпись «Доброжелатель» и ни одной ошибки, что в нашем деле почти оскорбительно.

— Корректор, — сказал Андрей в первый раз. — Или человек, который очень хотел им казаться.

— Или просто грамотный человек, — ответила я. — Таких много. Но мало кто ставит тире там, где его место, и ни разу не промахивается в запятых.

Я навела справки: пароход «Волжская жемчужина» существовал, билет оказался настоящим, каюта люкс номер семь была действительно оплачена, а на сайте речной компании отыскалось объявление: «Книжный рейс. Литературный фестиваль на борту. Двадцать восьмого мая, Н-ск — Казань — Н-ск. Встречи с писателями, лекции, мастер-классы, круглые столы. Капитанский ужин и закрытие фестиваля».

— Фестиваль, — сказала Маргарита Викторовна, когда я принесла ей письмо. Мы сидели в её кабинете. За окном шумела майская листва, на подоконнике цвела герань, которую Зоя Аркадьевна поливала по расписанию, и вся эта пасторальная тишина совершенно не вязалась с кремовым листом на столе. — Это «Слово на воде». Я знаю. Мы с ними сотрудничали два года назад, нам предлагали стать партнёрами. Но я отказалась.

— Почему?

— Организаторы дилетанты. Пятьсот человек писателей на одной палубе. Вы представляете, что такое пятьсот писателей на одной палубе?

— Нет.

— И не надо. — Она сняла очки. — Нина Сергеевна, письмо, разумеется, подозрительное. Если бы вы были сотрудницей, которую я меньше ценю, я бы велела выбросить его в корзину. Но вы моя сотрудница. Значит, поедете.

— Маргарита Викторовна…

— Я оформлю командировку. «Участие в литературном фестивале в качестве представителя издательства». Пусть хотя бы затраты спишутся. — Она слабо улыбнулась. — А если там и правда кто-то умрёт, будем считать это производственным риском.

— Вы очень утешаете.

— Я стараюсь.

Андрей взял отпуск на одиннадцать дней, что для капитана уголовного розыска было событием, сравнимым с солнечным затмением. Начальник отдела сначала спросил, не заболел ли он, потом, не влюбился ли, а потом, поняв, что вторая версия ближе к истине, махнул рукой и сказал: «Иди, только вернись живым».

Двадцать восьмого мая мы вышли из дому в семь утра. Эклер ехал в переноске, оскорблённый до глубины души: накануне вечером он обнаружил, что чемодан, в котором он обычно

любил спать, наполняется не его любимыми вещами, а чужими. Он сидел и смотрел на меня сквозь прутья взглядом существа, которому объявили, что отпуска не будет, а будут перемены.

Речной вокзал Н-ска в то утро походил на огромную клумбу: яркие зонты, шляпы, панамы, чемоданы на колёсиках. Над пристанью высилась белая громада теплохода, трёхпалубного, с красной трубой и золотой надписью на борту: «Волжская жемчужина». На палубах уже суетились люди, махали платками, фотографировались на фоне реки. Играл духовой оркестр. Ветер доносил запахи воды, горячего металла и жареных пирожков.

— Нина, — сказал Андрей, поправляя ремень сумки. — Ты уверена?

— Нет.

— Хорошо. Просто хотел убедиться, что мы оба в здравом уме.

— Мы оба в здравом уме, — подтвердила я. — Просто в очень странном месте.

У трапа нас встретила девушка в синей форме с бейджем «Лариса, круизный директор». Ей было лет тридцать пять, она улыбалась так старательно, будто ей платили за каждый зуб.

— Нина Сергеевна Платонова? — просияла она, сверяясь с планшетом. — Добро пожаловать! Вы у нас в списке почётных гостей. Люкс номер семь на средней палубе. Багаж доставят в каюту. А это…

— Мой жених, — сказала я.

Слово вылетело само. Мы с Андреем оба вздрогнули. Он посмотрел на меня, я на кольцо с рубином, и мне вдруг стало смешно и тепло одновременно.

— Капитан Громов, — представился Андрей.

— Ой, — сказала Лариса, ничуть не смутившись. — Только у нас уже есть капитан. Игорь Леонидович Вершинин. Двух капитанов на одном судне не бывает.

— Тогда я просто Андрей.

— Тогда просто Андрей, — согласилась она. — А это…

Она взглянула на переноску. Эклер высунул нос и обнюхал воздух.

— У нас пет-френдли каюты, — поспешила она. — Мы предупреждали. Только просим не выпускать на открытые палубы без поводка.

— У него есть жилетка, — сказала я.

— Есть шлейка, — тихо уточнил Андрей. — Ему не нравится.

— Ему ничего не нравится, — вздохнула я. — Но он терпит.

Каюта номер семь оказалась просторной: две кровати, диванчик, столик, большое окно с видом на воду, ванная комната размером с лифт. На столике стояла корзина с фруктами и бутылка шампанского с открыткой «Дорогой Нине Сергеевне от организаторов». На подушке лежал шоколадный жетон в форме якоря. Я не люблю подарков от неизвестных, поэтому первым делом проверила открытку: бумага обычная, почерк круглый, женский, подпись «Лариса».

— Подозрительно, — сказал Андрей, заглядывая через плечо.

— Это Лариса, — сказала я. — Круизный директор. Почерк совпадает с табличкой на трапе.

— Ты сверила почерк на табличке?

— Она стояла прямо передо мной. Я же корректор.

— Иногда меня это пугает.

— А меня нет, — сказала я и открыла переноску.

Эклер вышел медленно, с достоинством, осмотрел кровати, диван, ванную, понюхал шампанское, посмотрел на фрукты и вдруг одним прыжком оказался на подоконнике. Там он сел, подвернул хвост и принялся смотреть на реку с видом старого морского волка, у которого украли трубку.

— Ему нравится, — сказал Андрей.

— Ему нравится вода, — поправила я. — Он думает, что там рыба.

— Там рыба.

— Там рыба. Но это не его рыба.

Мы распаковали вещи. Я развесила платья, Андрей поставил на полку два детектива и нечто под названием «Руководство по криминалистике», которое он, видимо, считал отпускным чтением. Потом он подошёл к окну, обнял меня за плечи, и мы вдвоём стали смотреть, как над Волгой поднимается солнце.

— Нина, — тихо сказал он. — Что бы здесь ни случилось, мы справимся.

— Я знаю.

— Я хочу, чтобы ты это знала. Отдельно от всего остального.

— Знаю, — повторила я.

Раздался долгий гудок. Палуба под ногами слегка дрогнула, и берег медленно, почти незаметно поплыл назад. Оркестр заиграл «Прощание славянки». Кто-то на пристани махал платком, кто-то плакал, дети кричали, а над рекой стоял майский, слегка влажный воздух, пахнущий свободой и недосказанностью.

«Волжская жемчужина» пошла вверх по течению. В сумочке, на дне, под пудреницей, лежало письмо. Я не доставала его уже неделю, но знала каждую его строку наизусть: «На борту в течение рейса будет убит один из пассажиров. Вы его знаете».

Я ещё не знала, что на корабле сейчас, в эту самую минуту, находится человек, который написал это письмо. И что он, в отличие от меня, действительно знал, кого убьют.

Глава 2. Капитанский ужин

Первый вечер на теплоходе прошёл так, как проходят первые вечера на любом корабле: все друг друга разглядывали и делали вид, что не разглядывают.

К семи часам мы переоделись и поднялись в главный ресторан на верхней палубе. Это был большой зал с панорамными окнами, белыми скатертями, хрустальными люстрами и столиками на четверых, расставленными так, что от каждого открывался вид на реку. В углу стоял рояль, за которым молодой человек в бабочке наигрывал что-то из Шопена, слегка нервно, как ученик, которого слушает комиссия.

— Ваш столик номер пять, — сказала Лариса, подводя нас. — Вы будете с нашими почётными гостями. Это Валентин Корнеев с помощницей и профессор Гринберг.

За столиком уже сидели трое.

Валентин Корнеев оказался крупным мужчиной лет шестидесяти с гривой седых волос, крашеных в благородный пепельный цвет, и усами, которые, кажется, ухаживали за ним чаще, чем он за ними. Он носил бархатный пиджак цвета спелой сливы, шёлковый шейный платок и перстень с тёмным камнем. Взгляд у него был тяжёлый, снисходительный, как у человека, которого по умолчанию все должны любить.

Я видела его книги в каждом магазине. «Серебряный всадник», «Железная корона», «Дева Невы». Исторические романы с красивыми обложками, на которых то красавица в кринолине, то гусар с саблей. Они продавались миллионными тиражами и считались, по моему профессиональному наблюдению, образцом того, как следует писать, если хочешь, чтобы тебя читали в метро.

— Корнеев, — сказал он, не вставая, и протянул руку. — Приятно. Вы та самая корректорша из Н-ска? Мне про вас рассказывали.

— Корректор, — поправила я. — Нина Платонова.

— Ах да. Простите. Корректор, корректорша, какая разница. Главное, чтобы ошибок не было.

— Разница есть, — мягко сказала я. — Но дело не в этом.

Рядом с ним сидела женщина лет тридцати пяти, худая, бледная, с гладкими тёмными волосами, стянутыми в хвост. Платье на ней было скромное, тёмно-синее, без украшений. Она не поднимала глаз, пока Корнеев не назвал её имя.

— Ирина Белова, моя помощница. Без неё я как без рук. Она у меня и секретарь, и бухгалтер, и грелка, и ангел-хранитель.

— Вы преувеличиваете, Валентин Эдуардович, — тихо сказала Ирина.

— Нисколько. — Он похлопал её по руке с таким видом, с каким хлопают любимую собаку. — Вот что значит правильно подобранные кадры.

Андрей посмотрел на меня поверх меню. Я поняла этот взгляд без слов: «Какой неприятный человек».

Третьим за столом был профессор Яков Ильич Гринберг, невысокий, сухонький, лет семидесяти, с седой бородкой клинышком и тонкими, как у пианиста, пальцами. Он носил очки в роговой оправе, твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях и бабочку в мелкий горошек. Выглядел он как профессор из британских романов и говорил соответственно.

— Весьма рад, — произнёс он, привставая и пожимая мне руку своей лёгкой, чуть прохладной ладонью. — Нина Сергеевна, если не ошибаюсь? Вы не поверите: я давно мечтал познакомиться с настоящим корректором. Мы, историки, пишем так, что иной раз самим страшно перечитывать.

— Профессор у нас консультант по историческим деталям, — сказал Корнеев. — Проверяет, чтобы мои гусары не носили то, чего в эпоху не было. Друг юности.

— Меж тем, — вставил профессор с лёгкой улыбкой, — друг юности достаточно строг: ибо кринолины в тысяча восемьсот двенадцатом году, как это ни прискорбно для наших читательниц, не носили.

— Вот видите, — сказал Корнеев. — Мучитель.

Гринберг засмеялся тихим, шелестящим смехом.

Я заметила про себя «меж тем» и «ибо» и отложила наблюдение на дальнюю полку, где у меня хранятся вещи, которые пока ничего не значат. Это профессиональное: корректор запоминает любые речевые странности, как таможенник запоминает чемоданы.

Подали закуски: икра, судак под соусом, салат с рукколой, маленькие пирожки с мясом. Эклер, оставленный в каюте, наверняка в эту минуту обижался на весь мир.

— Нина Сергеевна, — сказал Корнеев, пригубив шампанского. — Вот вы корректор. Скажите честно: вам не надоело исправлять чужие ошибки? Вы ведь, наверное, мечтаете сами писать?

— Нет.

— Нет?

— Я люблю читать. Исправлять ошибки это способ читать внимательнее. Я не вижу в этом подчинённой роли.

— Забавно, — сказал он. — А я думал, что все, кто сидит на корректуре, просто неудачливые писатели.

— Есть и такие, — сказала я. — Но не я. Я счастливый читатель.

Профессор Гринберг улыбнулся в бородку. Ирина впервые подняла глаза и посмотрела на меня с тихим, почти благодарным любопытством.

В этот момент в зале поднялся лёгкий шум: в дверях появился человек в белом костюме.

Это был высокий, сутулый мужчина лет пятидесяти пяти, с ястребиным лицом, тонкими губами и взглядом, в котором навсегда поселилась ирония. На нём был костюм цвета слоновой кости, шейный платок цвета бургундского вина и белая шляпа, которую он, войдя, не снял, а лишь приподнял двумя пальцами, приветствуя публику. Шум в зале мгновенно сменился шёпотом.

— Лотов, — прошептал кто-то за соседним столиком. — Сам Лотов.

Я узнала фамилию мгновенно. Аркадий Максимович Лотов, литературный критик, автор рецензий, от которых плакали писатели и вздрагивали издатели. Его статью «Умирающий

слог» о посредственных романистах цитировали на каждом литературном форуме. Про него говорили: «Если Лотов хвалит книгу, она хорошая. Если ругает, её продают втрое быстрее».

Он шёл по залу с лёгкой хромотой, опираясь на трость с серебряным набалдашником, и каждый столик замирал при его приближении. Остановился он у нашего.

— Валентин Эдуардович, — сказал он. Голос у него был низкий, неторопливый, с приятной хрипотцой. — Какая встреча. Вы теперь и на воде.

— Аркадий, — сквозь зубы произнёс Корнеев. — Не ожидал.

— Я всегда там, где литература, — сказал Лотов. — А литература, как видите, плывёт. Яков Ильич, моё почтение. Ирина Викторовна. И… — Его взгляд остановился на мне, и в глубине его глаз мелькнуло что-то быстрое, внимательное, совсем не похожее на тот ленивый насмешливый блеск, который я видела секунду назад. — Это, если не ошибаюсь, Нина Сергеевна Платонова. Корректор.

— Да.

— Рад. Очень. Мне о вас много говорили. Я читаю ваши правки.

— Мои правки?

— В книгах издательства Маргариты Викторовны Дымовой. Я всегда узнаю вашу руку. Точное тире. Редкая запятая. Вы не пропускаете «в течение». Вы вообще ничего не пропускаете. Это приятно, когда в наше время кто-то ещё читает до конца.

Я почувствовала, как у меня похолодели пальцы. «В течение». Он произнёс эту фразу так обыденно, так между делом, что я не сразу осознала смысл.

— Благодарю, — сказала я. — Вы очень любезны.

— Я не любезен, — улыбнулся он. — Я точен. Это разные добродетели. — Он слегка наклонил голову. — Завтра у меня лекция. Название «Литература и лжецы». Приходите. Думаю, вам понравится. А после лекции, если не возражаете, мне хотелось бы поговорить с вами наедине. В библиотеке теплохода. После ужина.

— О чём?

— О запятых, — сказал он. — И об одном письме.

Сердце у меня глухо стукнуло. Я посмотрела на Андрея; тот спокойно резал судака, но я заметила, как у него на секунду замерли пальцы.

— О каком письме? — спросила я.

— Я говорю в общем, — улыбнулся Лотов. — В нашем деле все пишут письма. Приятного вечера, господа.

Он приподнял шляпу и пошёл дальше, к столику у окна, где его уже ждала девушка с розовыми волосами и огромным телефоном. Это была Эльвира Кремер, книжный блогер, о которой мне потом рассказали, что у неё два миллиона подписчиков и очень громкий голос.

За нашим столиком воцарилась неловкая тишина.

— Аркадий, как всегда, — наконец сказал Корнеев. — Очаровательный змей.

— Он вам что-то плохое сделал? — спросила я.

— Сделал. Каждую рецензию. — Корнеев осушил бокал. — Он пятнадцать лет пытается доказать, что я не писатель.

— А вы писатель? — спросил Андрей.

В его тоне не было никакого подвоха, только вежливый, ровный интерес человека, задающего вопрос по существу. Корнеев на секунду замер. Потом громко засмеялся.

— Молодой человек, — сказал он. — У меня тридцать два романа и двадцать миллионов тиражей. Вы сами решайте.

— Я не читаю исторических романов, — честно признался Андрей.

— Ничего. Вам это ещё предстоит.

— Не сомневаюсь.

Ирина тихо закашлялась в салфетку. Профессор Гринберг сложил пальцы домиком и скромно смотрел в тарелку. Я, кажется, единственная заметила, что он смотрит туда слишком внимательно, как смотрят люди, которым есть что скрывать.

Ужин тянулся долго. Играл рояль, звенели бокалы, на соседних столиках спорили о Бродском и обсуждали, куда пропал официант. Лариса с микрофоном объявила программу: завтра в десять утра лекция Лотова, потом мастер-класс по сценарному мастерству, потом экскурсия в Чебоксарах, вечером концерт, а послезавтра в Казани торжественное закрытие. «И, конечно, капитанский ужин на прощание!» — закончила она.

Я слушала вполуха. В голове у меня стучало одно слово: «письмо». Лотов знал о письме. Или делал вид, что знает. Или это просто его манера: бросать в воздух полунамёки и смотреть, кто нагнётся поднять.

— Нина, — тихо сказал Андрей, наклонившись ко мне. — Ты заметила?

— Что?

— Как он вошёл. Без хромоты, пока никто не смотрел.

— Он хромает?

— Он играет. Первые три шага от двери он шёл нормально. Потом вспомнил. И пошёл с тростью.

— Ты это заметил?

— Я всё замечаю, — сказал он со своей лёгкой, тёплой улыбкой. — Просто ты замечаешь буквы.

— Значит, мы делим мир пополам.

— Именно.

Я вздохнула и допила шампанское. Эклер, насколько я могла судить, в каюте уже спал, свернувшись на подушке и презирая меня за измену.

Глава 3. Машинка в библиотеке

Утром я проснулась от того, что что-то тёплое и тяжёлое давило на грудь. Эклер сидел на мне и смотрел сверху вниз с таким видом, будто пересчитывал мои добродетели и находил их недостаточными для завтрака.

— Нина, — донёсся из-за двери голос Андрея. — Кормить кота будем?

— Он тебя подослал?

— Он стоял и смотрел на дверь час.

— Он стоял на мне.

— Тогда у нас разные версии.

Мы позавтракали в ресторане, где на длинных столах стояли поддоны с сырниками, омлетом, овсяной кашей и тарелки с красной рыбой. Народу было много: писатели в жёваных пиджаках, поэты в шарфах, критики с вечно недовольными лицами. За соседним столиком Эльвира Кремер, окружённая тремя поклонницами, снимала себя на телефон и громко объясняла, что «литература это новая мода».

В десять мы пошли на лекцию Лотова. Лекторий находился на нижней палубе: уютный зал на сто человек с деревянной сценой и бархатными креслами. Народу набилось под завязку. Люди стояли в проходах. Лотов вышел на сцену без трости: хромота исчезла бесследно, как плохой сон. На нём снова был белый костюм, только платок сменился с бордового на тёмно-зелёный.

— Дамы и господа, — начал он без предисловий. — Я сегодня хочу поговорить о лжи. О той, которая лежит на каждом прилавке с надписью «бестселлер». О той, которая подписывается чужими фамилиями и получает чужие премии. О той, которой мы все с удовольствием верим, потому что истина обычно невыигрышна.

В зале зашелестело. Корнеев, сидевший в первом ряду, чуть подался вперёд. Ирина рядом с ним сидела совершенно неподвижно, как манекен. Гринберг расположился чуть сбоку, закинув ногу на ногу, и смотрел на сцену с лёгкой любезной улыбкой.

— Литература, — продолжал Лотов, — единственное искусство, в котором подделку невозможно подписать. Картину подделывают кистью, музыку нотами, а текст… текст подделывают голосом. Автор пишет так, как говорит. Как дышит. У каждого есть свой дыхательный ритм: длина фразы, любимые слова, ошибки, на которые он упрямо возвращается. Мы называем это стилем. Корректор называет это отпечатками пальцев.

Он посмотрел на меня.

— Вот перед нами в зале сидит Нина Сергеевна Платонова. Она знает: если автор пишет «в течении» через «и», он будет делать это всю жизнь, сколько бы редакторов его ни правили. А если ошибка вдруг пропала, значит, исчез не автор, а его рука.

По залу прошёл шелест. Многие повернулись в мою сторону. Корнеев тоже. Взгляд у него был тяжёлый, остановившийся.

— Мораль? — улыбнулся Лотов. — Читайте внимательно. Особенно то, что вам продают как гениальное. На закрытии фестиваля в Казани, дамы и господа, я намерен… как бы это сказать… убить одну литературную легенду.

Он помолчал. В зале стояла полная тишина.

— Разумеется, метафорически, — добавил он с лёгкой улыбкой. — Пока что.

Раздался нервный смех. Кто-то захлопал. Корнеев встал, одёрнул бархатный пиджак и вышел из зала, хлопнув дверью. Ирина вскочила и поспешила за ним. Гринберг остался сидеть, глядя на сцену, и мне показалось, что у него слегка дрожат пальцы.

Андрей наклонился ко мне:

— «Убить литературную легенду». «Пока что».

— Да.

— Нина, ты думаешь…

— Я думаю, что письмо написал он, — тихо сказала я. — «На борту будет убит один из пассажиров». Метафорически. Литературная легенда. Корнеев.

— Но он сказал «вы его знаете».

— Я знаю Корнеева. Я читала его книги. Корректор всегда знает авторов, даже если ни разу не видел.

— Это слишком красиво.

— Это слишком красиво, — согласилась я. — Поэтому надо проверить.

После лекции мы вышли на палубу. Над Волгой стояло ясное утро; солнце, прорезав лёгкую дымку, ложилось на воду золотыми монетами. Мы шли вдоль борта; навстречу попадались пассажиры с кофе, с фотоаппаратами, с книгами. Корабль слегка покачивался, как колыбель.

Библиотека теплохода располагалась на средней палубе, рядом с читальным салоном. Небольшая уютная комната с деревянными стеллажами до потолка, кожаными креслами, настольными лампами с зелёными абажурами и ковром, в котором тонули шаги. Книги стояли на полках аккуратными рядами: классика, детективы, издания фестиваля «Слово на воде». Отдельная полка была отдана Корнееву: все тридцать два романа, подарочные издания, в твёрдых обложках, с золочёными тиснениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.